

Александр Валентинович Амфитеатов

Зеленые святки

Александр Валентинович Амфитеатров

Зеленые святки

Аннотация

«Май и начало июня, переход от весны к лету, – лучшее время года в средневропейских землях: пора владычества солнца и могучего расцвета сил оживлённой вешними чарами природы, – пора зелени, цветов, гроз и тёплых плодотворных дождей, пора любви животных и растений, – пора, когда перелётные птицы спариваются и завивают гнёзда в „зелёном шуме“ молодой листвы рощ, лесов и садов. Жизнь и верования первобытного обитателя средней Европы и, в особенности, Европы славянской, тесно сближались с жизнью природы, одухотворённой и обоготворённой в тысячах антропоморфических образов. Чуткое ко всем стихийным переменам внимание полудиких языческих народов не могло не отозваться на великий праздник вешнего возрождения природы эхом символических общественных празднеств...»

Александр Амфитеатров

Зеленые святки

Май и начало июня, переход от весны к лету, – лучшее время года в средневропейских землях: пора владычества солнца и могучего расцвета сил оживлённой вешними чарами природы, – пора зелени, цветов, гроз и тёплых плодотворных дождей, пора любви животных и растений, – пора, когда перелётные птицы спариваются и завивают гнёзда в «зелёном шуме» молодой листвы рощ, лесов и садов. Жизнь и верования первобытного обитателя средней Европы и, особенно, Европы славянской, тесно сближались с жизнью природы, одухотворённой и обоготворённой в тысячах антропоморфических образов. Чуткое ко всем стихийным переменам внимание полудиких языческих народов не могло не отозваться на великий праздник вешнего возрождения природы эхом символических общественных празднеств.

Дни, в которые христианство справляет Вознесение Христова, Пятидесятницу, Рождение Иоанна Крестителя, были священными днями на огромном пространстве славянских земель между Эльбой, Дунаем и Днепром задолго до того, когда свет Христовой веры разлился по этим странам, когда быт их населения покорен был церковному чину и календарю. Весьма может быть, что, первоначально, счастливое совпадение – точное или приблизительное – торжеств церков-

ного календаря с праздничным календарём стихийного язычества сослужило добрую службу делу христианского миссионерства в славянских поселах. Консерватизм обычая гораздо сильнее и упорнее в славянской среде, чем консерватизм убеждения, и славянские неофиты гораздо легче расставались с самыми старыми богами своими, чем с порядками, обрядами и приметам своих отцов и дедов и – на первом месте – с их празднествами. Видя, что новая вера не только не отменяет, но и сама торжественно справляет привычные ему великие дни, язычник шёл навстречу миссионерам уже с меньшим предубеждением: он рассчитывал найти в новых мехах старое вино, под новою, чужою, пришлою формою – прежнюю родную суть.

Особенно ярко сказались эти календарные компромиссы старого язычества с молодым христианством именно в внешних празднествах Вознесения, Семика, Троицкой субботы, Троицына и Духова дня и т. д. В эпоху поклонения одухотворённым стихиям эти дни были посвящены апофеозу «весны-красны», победоносного божества, окончательно восторжествовавшего над загнанной на дальний безвестный север колдуньей-зимой, чествованию начала, всё животворящего и возрождающего. Характер языческих празднеств от переименования их в празднества христианские изменился весьма мало, и, надо полагать, последующий вред языческого календаря значительно превысил первоначально принесённую было им пользу: по крайней мере, на первых же страницах

летописи русской мы встречаемся с жалобами духовенства на весенние беснования народа, как на явное доказательство крепко засевшей в нём идолопоклоннической закваски. Против этих празднеств ополчается Нестор (под 1067 годом), а Кирилл Туровский относит их к числу «злых и скверных делах, их же ны Христос велит отступити».

Справляемые во всём славянском мире, без исключений, и всюду по довольно схожему ритуалу, вешние празднества всюду носили и одно и то же название, лишь подвергавшееся у разных племён этимологическим вариациям, соответственным языку и говору народа. Название это – русалии, русалка, řisale и т. д. Название недели по Троицыне дне русальной сохранилось в народе до нашего времени; в старину же оно было общеупотребительным и распространённым настолько, что, несмотря на свой ярко-языческий характер, попало и в хартии летописцев, в общем весьма ревнивых к христианскому календарю, и даже в книги духовных писателей, для которых внедрение христианского календаря и уничтожение остатков идольской старины являлись прямыми обязанностями. Название священных вешних дней по русалкам – самое ясное свидетельство, что в дни эти предки наши праздновали не только зримое возрождение природы, но и возвращение к жизни и деятельности стихийных духов, её оживляющих, – вместе с нею уснувших на зиму и вместе с нею очнувшихся от спячки. В особенности характерно в этом смысле название «Русальчин Велик День», т. е. Свет-

лое Воскресение русалок, до сих пор прилагается на Украине к четвергу Троицкой недели. Как уже говорил я в очерке «Неурожай и суеверие», миф о русалках до того сложен, настолько разнообразно и пёстро разработан народным суеверием, что точного исследования его хватило бы на целую диссертацию. Мы встречаем русалку в народных сказаниях то как деву водную, то как деву лесную, то как житного духа, т. е. гения посевов, нив и лугов, то как грешную душу утопленницы, младенца, некрещёного или проклятого родителями, и т. д. Русалка, для древнего славянина, являлась, таким образом, каким-то пантеистическим коэффициентом ко всякому явлению в природе в летние её месяцы.

Таким образом, разбирая легенды и обряды, сопровождающие Пятидесятницу – быть может, самый богатый символами праздник христианства – необходимо помнить, что легенды и обряды эти формулировались, так сказать, в три слоя. Внизу – прямые, откровенно-языческие остатки древнего стихийного верования, переживания пантеистических культов; над ними – приспособления языческих обрядов на новый лад, к христианским взглядам, нравам и понятиям; сверху – поэтические наслоения, непосредственно христианского происхождения.

Христианская эмблема праздника Пятидесятницы – огненный язык и белый голубь, символизирующие сошествие Св. Духа на апостолов. Первый символ исторически объяснён во второй главе Деяний апостольских. Голубь, ещё до

христианства, почитался птицею священной едва ли не во всех языческих культах: голубкою улетела с земли Семирамида, голубками запряжена колесница Афродиты, голубь был единственною птицею, терпимою в Дельфах, голубка дала дар пророчества оракулу Додонскому; в культах спиритуалистических птица эта пользуется таким же уважением: Моисей заповедал женщинам, приходящим в храм за очистительною молитвою, приносить в жертву двух голубей. Христианская символика воспользовалась всеобщим почтением к красивой и всюду любимой птице, чтобы облечь в её образ самые священные тайны свои: представление о Духе Святом и идею бессмертия души, причём первое олицетворение освящено авторитетом Евангелия (Марка, I, 10). Св. Духа, в виде голубя, встречаем мы на каждом образе Св. Троицы, Благовещения, Крещения Господня. Воображение народов христианских привыкло к этому олицетворению настолько же, насколько привыкло узнавать прообраз Христа в агнце, прообраз Творца-Вседержителя во Всевидящем Оке, заключённом в сияющий лучами треугольник. Наши русские сектанты, претендуя на способность непосредственных вдохновений от Духа Святого, зовут себя в честь Третьего Лица Св. Троицы белыми голубями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.